

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА У САКРАЛЬНЫХ ЧИСЕЛ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Рахимова Э.Ф., Сагитова А.Ф.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Уфа, Россия (450008, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3 А), e-mail: rahimova-ef@mail.ru; raf-82@mail.ru

В данной статье нами рассматриваются лингвокогнитивные факторы формирования культурного смысла у сакральных чисел в русском и башкирском языках. Модель числа является фрагментом языковой картины мира. Помимо абстрактного, чисто количественного и порядкового значения число наделяется дополнительным смыслом, становится объектом оценки и символизации. Причина отождествления чисел с идеями-символами объясняется подходом примитивного человека к изучению окружающего мира. Люди связывали его с различными планами и уровнями бытия, небесными сферами, планетами. Исследование сакральных чисел в русском и башкирском языках показывает сходство символики чисел в этих культурах. Это объясняется тем, что символы восходят к основным ощущениям и эмоциям, которые испытывают все люди. Однако существуют и различия, поскольку культурно-языковая специфика выявляется как результат специфического действия процесса языкового кодирования при описании фактов окружающего мира.

Ключевые слова: сакральные числа, числительные, культурный код, мировидение, мировосприятие, фразеологические единицы.

LINGUO-COGNITIVE FACTORS OF FORMATION OF CULTURAL SENSE OF SACRED NUMBERS (BASED ON RUSSIAN AND BASHKIR LANGUAGES)

Rakhimova E.F., Sagitova A.F.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia (450008, Ufa, street, Oktober revolution, 3A), e-mail: rahimova-ef@mail.ru, raf-82@mail.ru

This article discusses linguo-cognitive factors of formation of cultural meaning in the sacred numbers in Russian and Bashkir languages. A model of number is a fragment language world picture. In addition to the abstract, purely quantitative and ordinal values a number endowed by additional sense, it becomes the object of evaluation and symbolization. The reason of identification of numbers with ideas and symbols is explained by the approach of a primitive man to learn the world. People associated it with different plans and levels of being, celestial spheres, planets. The study of sacred numbers in Russian and Bashkir languages shows similarities of symbolism of numbers in these cultures. This is because the symbols go back to sensations and emotions experienced by all people. However, there are differences since cultural and linguistic specificity is emerging as a result of a specific action of the process of coding the language when describing the facts of the world.

Keywords: sacred number, numerals, cultural code, world vision, attitude, phraseological units.

Одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики является выявление специфики отдельных фрагментов языковой картины мира, отражающих традиционные для определенной культуры духовные ценности. Числа, являясь элементами языковой картины мира, обладают символикой, наделены сакральной семантикой и культурологическими значениями.

Слово «сакральный» начало использоваться в лингвистической литературе недавно, его можно было встретить в работах культурологов и философов, связанных с исследованиями проблем мифологического сознания и отражения архетипических образов в искусстве.

В лингвистическом плане обращение к отдельным сакральным характеристикам отмечается лишь с конца 90-х гг. XX века. Это работы, посвященные лексике и фразеологии библейского происхождения (Юдин 1992, Стижко 1995, Ковшова 1996, Телия 1996, Никитина 1998, Бетехтина 1999, Родионова 2000, Мендельсон 2002, Антропова 2004, Муратова 2012). Особое внимание уделяется понятию сакральности исследователями библейских текстов и религиозного дискурса (Карасик 1999, Гриненко 2000). Повышенный интерес к исследованию сакрального содержания национальных языковых форм объясняется рядом причин. Во-первых, сфера сакрального долгие годы была «закрытой» для лингвистических исследований, во-вторых, само слово «сакральный» употребляется в настоящее время в самых разных контекстах, поэтому необходимо определить содержание и границы обозначаемого им понятия, в-третьих, отсутствуют работы, которые были бы посвящены лингвокультурной природе данного феномена.

Целью исследования в статье является выявление лингвокогнитивных факторов формирования культурного смысла у сакральных чисел в русском и башкирском языках.

Материалом исследования послужили лексические единицы с компонентами-числительными из толковых, фразеологических, тематических словарей русского и башкирского языков, а также материалы по сакральным числам, содержащиеся в трудах лингвистов, фольклористов, этнографов.

Нами использованы следующие методы: теоретический анализ, систематизация материала, лингвистическое наблюдение, метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Количественная определенность широко представлена во всех областях человеческой деятельности. Количество выступает не только как средство познания, но и как объект исследования в ряде наук, в том числе и в лингвистике.

Исследователи отмечают разные аспекты и стороны категории количества. Аристотель количеством называет то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет их две или больше, «есть по природе что-то одно и определенное нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина – если измеримо» [1: 164]. Из этого определения можно сделать вывод о том, что существуют два свойства количественных измерений: прерывность и непрерывность и связанные с ними понятия число и величина.

«Тот факт, что среди других частей речи имя числительное по степени участи в русском фразообразовании стоит на последнем месте, – пишет Р.Х. Хайруллина, – можно объяснить, видимо, лишь малочисленностью слов данного лексико-грамматического разряда в языке. Концептуальная важность понятия количества вообще и конкретных чисел в частности в картине мира любого языка не вызывает сомнения, так как это одно из

древнейших философских понятий, в которых формируется картина мира» [8: 69]. Издавна человек использовал категорию числа не только для установления «единичности – множественности», но и «с целью широкого мировоззренческого осмысления количественных параметров макрокосма и человека» [8: 69].

По мнению В.С. Юрченко, мир, в котором живет человек, имеет четырехмерное измерение, которое характеризуется при этом «бинарной асимметрической раскладкой: 3 + 1, именно трехмерное пространство и одномерное время» [10: 19].

Категория количества тесно связана с категориями пространства и времени. «То или иное конкретное множество предстает как совокупность определенным образом расположенных в пространстве объектов, или как совокупность явлений, следующих друг за другом во времени, кроме того, и сама пространственная протяженность того или иного предмета, любой временной промежуток имеет свою величину» [4: 295].

В связи с высоким уровнем абстракции категории количества в лингвистике отсутствует единство взглядов на данный вопрос, поэтому невозможно отразить все аспекты данной категории в одном определении.

Количество является универсальным семантическим признаком, которое объединяет различные проявления количественности в единое семантическое образование.

Числа находят отражение и во фразеологических единицах, в составе которых используются как слова с общим количественным значением («много», «мало», «больше», «меньше»), так и конкретные числительные («один», «два», «три», «четыре», «пять», «семь», «девять» и т.д.). Например: русск. *звезда первой величины, гнать в три шеи, на все четыре стороны, седьмая вода на киселе, один к одному, опять двадцать пять*.

Во фразеологических единицах башкирского языка также числа условно обозначают малое или большое количество чего-либо: *Биш мартәбә* («пять раз»), *бер ауыз һүз әйтмәү* («ни (одного) слова не вымолвить»). Числа употребляются для характеристики явления, предмета или лица: *бер сыбыктанкыуылган* («одного поля ягоды»). В основу башкирских фразеологизмов заложены сакральные значения чисел: *дүрт яғыңкибла* («ступай на все четыре стороны»), *ете кат ер аҫтында йылан көйшәгәнән беләү* («знать как под семью слоями земли жует змея»).

В составе фразеологизмов числительные могут употребляться автономно. В этом случае семантика оборота мотивируется значениями числительных: один на один – с кем-либо наедине; с пятого на десятое – 1. бессвязно, непоследовательно, пропуская подробности (рассказывать сообщать, говорить; 2. кое-как, беспорядочно, небрежно (делать что-либо); 3. кое-что, немного (слышать, знать, понимать) (где нарушение счета ассоциируется с непоследовательностью, лакунами в действиях, познании чего-либо); ни два ни полтора –

неизвестно как – ни плохо, ни хорошо (будет, получается) (числа между двумя и полтора не существует) [8: 71].

Во фразеологизмах *одна нога здесь другая там, хромать на обе ноги, ни в одном глазу; заблудиться в трех соснах; убить двух зайцев; семь пятниц на неделе; два сапога пара, сидеть меж двух стульев, одной веревочкой повязаны* компонентный состав представлен разными частями речи, где числительное входит в сочетании с конкретными существительными.

Следует отметить, что модель числа является лишь фрагментом языковой картины мира. Число обладает особой символикой, наделено сакральной семантикой, мифологическими, культурологическими значениями [3: 10]. «Помимо абстрактного, чисто количественного и порядкового значения, – пишет С.М. Толстая, – число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации» [5: 43].

По мнению Н.П. Черневой, числа выражают не только количество, но и «идеи-силы, каждая со своим особым характером». Они являются знаками, ориентированными на качественно-количественную оценку; элементами особого числового кода, с помощью которого описывается мир [3: 13].

Сакральные числа как лингвокультурный феномен фиксируют стереотипы сознания, которые определяют национально-культурные эталоны поведенческих реакций. Сакральные числа в этом смысле выступают как интерпретационные языковые структуры, которые моделируют поведение человека в этнокультурно маркированных ситуациях. Стереотипия проявляется в них как на уровне отбора самих типовых ситуаций, так и на уровне осмысления информации и выбора кода ее трансляции.

Известно, что числа обладают архаической семантикой, заложенной в них во времена существования ранних космогонических систем, мифопоэтической картины мира древнего человека. Помимо обозначения конкретного числа, оно может вызвать у читателя определенные ассоциации, связанные с архаической символикой [3: 13]. Существует предположение о том, что в «архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Таким образом, числа становились образом мира и средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций [7: 630]. Число и счет являлись «сакрализованными средствами», с их помощью «репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека» [6: 3 – 58]. Понятие сакральное обозначает все то, что относится к культу, поклонению особо ценным идеалам, т.е. числа помимо значений количества, порядка, счета имеют семантическую

нагрузку, связанную с определенной значимостью в культуре, обладают «магическими» свойствами.

Многие исследователи отмечают, что, кроме цифрового содержания, в числе заложена определенная культурно-типологическая семантика. Благодаря этой семантике можно определить тип организации культуры, воссоздание модели мира, его первоосновы и структуры. Очень часто число приобретает помимо своего основного значения некоторые добавочные – культурно-типологические.

Рассмотрим, каким образом число приобретает сакральный смысл.

Исследователи считают, что одной из основ зарождения магических чисел являются древние системы счета. Считавшиеся ранее предельными числами 3, 4, 5, 7, 10, 12, 40 и т.д. попали в категорию «магических чисел». Человечество длительное время находилось на стадии, когда существовал только счет: один, два, много. Постепенно появилось число «три», «четыре», «пять», «шесть». «Количества, лежащие за пределами крайнего числа, – пишет Р.Т. Муратова, – воспринимались человеком как неопределенное «много», что и натолкнуло людей воспринимать эти числа в качестве символа множества» [3: 23].

Другим фактором происхождения сакральных чисел является тот факт, что люди начали связывать число с различными уровнями бытия, небесными сферами, природными циклами.

Считалось, что некоторые числа могли влиять на природные явления, предвещать хорошие или плохие события в жизни племени, народа или отдельного человека. Существование чисел, которые не поддавались в то время удовлетворительному объяснению, натолкнуло людей на мысль о сверхъестественной божественной сущности чисел. Это послужило одной из главных причин формирования сакрального смысла у числа.

Таким образом, в результате мифологического воззрения и миропредставления древнего человека, для которого недоступны были тайны природных явлений, некоторые числа, абстрагируясь от своей первоначальной функции вести счет предметов, приобретают символическое значение.

Число в большинстве культур имеет сложную символику. Употребление тех или иных чисел в религиозных обрядах подтверждает то, что числовые представления имели силу на данном этапе развития человеческого мировоззрения [3: 14].

В числе также заложены определенные культурологические коннотации, отражающие как общие для многих народов традиции и верования, так и специфические, присущие для культур, образа жизни, истории, национального характера данной конкретной этнической общности. Сходство чисел и символики обусловлено универсальностью характера символов.

Однако каждое сакральное число обладает этнокультурной спецификой, которая находит отражение в культуре и языке народа.

В сказках, в былинах, в житиях святых появляется определенная числовая символика, набор священных чисел, повторяющихся в разных образах и несущих определенный смысл.

Например, тройка в русской традиции является воплощением духовного начала. Как и в европейской культуре, она символизирует полноту и завершенность. Почитание христианского понятия Троицы, которая представляет собой триединство, делает тройку обозначением совершенства и духовности.

Сам человек также имеет троичную организацию, включающую тело, душу и дух. Геометрический символ тройки – треугольник, и в изображениях Всевидящего ока эта фигура становится обозначением Троицы.

Число 3, так же, как и числа 1, 2, может употребляться и в прямом (обозначая кого-либо или чего-либо в количестве, равном трем (*У мужика в августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять*)), а также обозначая Троицу – в христианстве учение о троичности (триединстве) Единого Бога, например, *Бог любит троицу*), и в переносных значениях, круг которых несколько шире, чем у чисел 1 и 2. Число 3 может употребляться и в значении «мало» (*Заблудиться в трёх соснах; От горшка три вершка*), и в значении «много» (*Обещанного три года ждут; Наврал с три короба; Плакать в три ручья; Согнуться в три погибели*). Последние значения могут встречаться в рамках одного пословичного изречения и быть оформлены по принципу антитезы: *Не узнавай друга в три дня – узнавай в три года*.

Подчеркнем, что число 3 наиболее часто, по сравнению с другими числами, встречается в жанрах русского фольклора. Так, в русском фольклоре герой произведения обычно совершает три разных подвига. Женихи подвергаются трехкратным испытаниям; обычно в семье растут три сына и три дочери; на развилке трех дорог; чудеса происходят во всех трех мирах; «за тридевять земель, в тридесятом царстве-государстве».

Истоки популярности этого числа связаны с принципом троичности, лежащим в основе различного рода теогонического и мифологического плана. Некоторые исследователи считают, что число три трактуется как образ некоего абсолютного совершенства, потому что оно представляет собой «идеальную структуру с выделяемым началом, серединой и концом. Эта структура легко становится точной моделью сущностей, признаваемых идеальными, или же приблизительным образом любого явления, в котором можно выделить указанные три элемента» [6: 22].

Существует и другое объяснение. Первым в качестве места обитания первобытным сознанием людей было отведено ясное небо, уделом вторых стало мрачное подземелье, а земля осталась за людьми [2: 143]. Космологическое представление древних людей о

верхнем, среднем и нижнем мирах привело к принципу троичности, приданию числу «три» сакрализованной, магической функции.

С числом өс (три) у башкир также связаны представления о трех измерениях мифологического времени – прошлое, настоящее и будущее. Эти представления народа выражены в обозначении количества дней, месяцев, лет, необходимых для совершения какого-либо действия. Третий по счету день считался особым, святым, магическим в свадебном обряде, на третий день после приезда невесты в дом жениха устраивали чаепитие в честь невестки (килен сәйе – досл. «чай невестки»).

В похоронно-поминальном обряде мусульман число три играет важную роль. На третий день после смерти человека проводили поминки өсө «третьины». Выражение өсөн укытыу «чтение Корана на третьины», өсөн үткәреү («проведение третьин») определяют «семантику третьего дня в похоронно-поминальном обряде, указывая на сакральный рубеж времени» [3: 66].

Почитание пятерки в русской традиции также имеет христианские истоки. Число часто появляется в Евангелии – пять хлебов насытили пять тысяч человек, получивший пять талантов умножил их на другие пять, пять мудрых и пять неразумных дев стали символом готовности встречи с божественным.

Пятерка проникает и в христианскую архитектуру и иконопись – пятиглавые соборы, построенные в честь Христа и 4-ех евангелистов, 5 рядов иконостаса. Это делает пятерку символом единства земной церкви и Бога, единения человека со Всевышним.

В быт и лексику цифра 5 попадает со словами «пятаяк», «пятница», «пятерня», в символику – с пятиконечной звездой. Другой символ, который связан с пятеркой, христианский крест: пять точек образуют его. Также известно о пяти ранах Христа при распятии.

В башкирском языке число пять очень часто встречается во фразеологических единицах. Оно используется как выражение «целостного человеческого тела»: үз бише биш («твердеть одно и то же», досл. «свои пять – пять»), биш бармагы кеүекбелеү («знать как свои пять пальцев»).

Также число биш привносит во фразеологизм значение «большое количество» или «преувеличение»: «берзе биш итеү» (преувеличивать, досл. «одно превращать в пять»), бишкә төрләнеү («быстро меняться», досл. «меняться в пять обликов»), биш артык (намного лучше, досл. «в пять раз лучше»), биш былтыр (давным-давно, досл. «пять прошлых лет»), бер алдына биш артына төшөү (подхалимничать, заискивать, досл. «вставать то (один раз) спереди, то (пять раз) сзади кого-либо»).

Семь – одно из самых часто встречающихся чисел в русской культуре, символ удачи. Мифология рассказывает о семи богах древнерусского пантеона, семи небесах.

Причина распространенности числа *семь* (башк. *ете*) в фразеологизмах объясняется тем, что данное числительное в народных представлениях приобрело некоторое сакральное значение. Использование числа *семь* в значении предела счета на определенной стадии человечества, употребление в качестве символа гармонии человеческого существа, мистические представления и религиозные поверья народа способствовали его участию в образовании фразеологических единиц [3: 102].

В русской культуре число *семь* является сакральным: семь дней Творения, семь печатей в «Книге жизни» из Апокалипсиса, седьмой день недели священный (воскресенье), семь христианских добродетелей (целомудрие, умеренность, справедливость, щедрость, надежда, смирение и вера), над православными храмами часто семь куполов, символизирующих семь таинств.

В русских фразеологических единицах число *семь* обычно встречается в значении «много кого-, чего-либо», например: *Семь раз отмерь, один раз отрежь; Семеро одного не ждут; Семь пятниц на неделе; Тайна за семью печатями; Семеро с ложкой, а один с сошкой; Семь бед – один ответ; У семи нянек дитя без глазу; Семеро – не один, в обиду не дадим; Лук от семи недуг; Семь ворот, да все в огород; Семь пядей во лбу; За семь вёрст киселя хлебать; Семь вёрст до небес и всё лесом; Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь; Семь вёрст до небес и все лесом; Для бешеной собаки семь вёрст не крюк; Не велик городок, да семь воевод; Чем семерых посылать, лучше самому побывать; Одним махом семерых убиваю; Когда злой бываю, семерых убиваю; Семь пятниц на неделе (о непостоянстве); Вятскиеребята хваткие, всемером одного не боятся.*

Как видим, достаточно часто рассматриваемые числа встречаются в рамках одного пословичного изречения и организованы в нем по принципу антитезы, при этом «сталкиваются» обычно их переносные значения, что и создает «второй» – переносный – план содержания пословицы.

В башкирских фразеологизмах *ете кат ер астында йылан кәйшәгәннен беләү* («знать как под семью слоями земли жуёт змея»), *күктең етенсе катында булыу* («быть на седьмом небе», о состоянии наивысшего душевного подъема) закрепились представления человека о «семислойности земли и неба».

Фразеологизмы *етедиңгез аръягында* (за семью морями), *ете тау артында* (за семью горами) обозначают пространство, находящееся на очень «далеком расстоянии».

Традиционная роль числа *ете* как характеристики времени закрепились в башкирской фразеологии: *ете төн уртаһында* (глубокой ночью, досл. «в середине семи ночей»).

Таким образом, лингвокогнитивные факторы играют главную роль в формировании культурного смысла у сакральных чисел в русском и башкирском языках. С помощью чисел в языке народ передавал свои представления о мере, раскрывал понятия достаточного и недостаточного количества, а, следовательно – посредством метафорического переноса, – хорошего и плохого. По словам Н.П. Черневой, «национальный характер складывался тысячелетиями под влиянием климатических, социальных условий, религиозных устоев. Весь уклад жизни русского народа нашел отражение в их духовной культуре: религии, мифологии, сказках, пословицах, поговорках и загадках. Числа в этих формах духовной культуры отражают воззрения человека на окружающий мир» [9: 83].

Числа, кроме своих основных значений, выражают этнокультурное значение, являются неотъемлемой частью духовной культуры народа. Числовая модель как фрагмент языковой картины мира выражает культурно-языковую специфику той или иной языковой общности.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
2. Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. – Новосибирск: Наука, 1988. – 177 с.
3. Муратова Р.Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 180 с.
4. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
5. Толстая С.М. Счет и число в народной традиции: семантика, оценка, магия // Семиотика и информатика. – М., 2002. – Вып. 37. – С. 43 – 58.
6. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. – М., 1980. – С. 3–58.
7. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. – М., 1982. – Т. 2. – С. 629–630.
8. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.
9. Чернева Н.П. Семантика и символика числа в национальной картине мира (на материале русской и болгарской идиоматики): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 270 с.
10. Юрченко В.С. Философские и лингвистические проблемы семантики. – Саратов: СГПИ, 1993. – 47 с.

Рецензенты:

Хайруллина Р.Х., д.фил.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы», г. Уфа;

Фаткуллина Ф.Г., д.фил.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.